

— У вас какое-то дело ко мне, старший? — после недолгого замешательства нерешительно спросил Тянь Цаньцюэ.

— А где остальные? — Мужун Са нахмурился.

Вглядываясь в бледное лицо мальчика, на котором проступал нездоровый, лихорадочный румянец, он ощутил внезапный укол глухого раздражения.

— Здесь живем только мы вдвоем, — тихо кашлянув, ответил Тянь Цаньцюэ.

Он осторожно высвободил запястье из хватки Мужун Са и отступил на шаг.

Мужун Са проводил его движение взглядом. Он вновь нахмурился, но тут же расслабился.

Мальчик с самого первого дня вел себя подобным образом. Всегда отстраненный, ни теплый, ни холодный. Какое-то время могло казаться, что он рядом, совсем близко, но стоило протянуть руку и попытаться коснуться его по-настоящему, как сразу становилось ясно: он пребывает в каком-то своем, недостижимом отдалении.

Словно между ним и остальным миром пролегла глубокая, непреодолимая пропасть.

— Я твой должник, — после короткого молчания сухо проговорил Мужун Са.

За эти несколько мгновений он успел совладать с собой, и мимолетная вспышка недовольства растаяла без следа, словно круги на воде от легкого ветерка.

Услышав это, Тянь Цаньцюэ на секунду растерялся.

— Но я вовсе не...

— Я остался у тебя в долгу, — бесцеремонно перебил его Мужун Са.

В его тоне не было ни единой эмоции. Он просто констатировал очевидный факт. Непреложный факт.

Поняв, что переубедить собеседника не удастся, Тянь Цаньцюэ лишь беззвучно шевельнул губами, так ничего и не возразив. В конце концов, если судить непредвзято, его усилия и впрямь заслуживали благодарности.

Вот только снадобье он вызвался добыть сам, по собственной воле, и вовсе не считал, что Мужун Са теперь обязан платить ему тем же.

«Впрочем... какая разница? Достаточно просто забыть об этом долге, да и дело с концом».

— Ты... — Мужун Са всматривался в задумчивое, не по-детски серьезное лицо семилетнего мальчика. В нем не было и капли той беззаботной искренности, что обычно присуща сверстникам.

Мужчина хотел было что-то добавить, но передумал. Подавив рвущиеся наружу слова, он лишь сдержанно кивнул и негромко произнес:

— Береги себя.

Развернувшись, он скрылся за воротами.

Тянь Цаньцюэ долго смотрел ему вслед. Затем он посмотрел на высокие серые стены усадьбы, стискивающие внутренний двор. В груди внезапно защемило от подкатившего, удушливого чувства одиночества.

— Молодой господин! Молодой господин! — раздался со двора встревоженный голос Фу-ма.

Грузная женщина, тяжело переваливаясь на ходу, торопливо бежала к нему.

— Что случилось, Фу-ма? — удивленно спросил Тянь Цаньцюэ, глядя на запыхавшуюся служанку, которая только недавно уходила.

— Молодой господин, хозяин прислал слугу! Велит вам немедленно явиться к нему, — выпалила она, шумно переводя дух.

— В главный двор? К Главе? — пробормотал мальчик.

В памяти тут же всплыло недавнее напутствие Мужун Са. «Береги себя». Тянь Цаньцюэ горько усмехнулся.

«Что ж, побережь себя мне и впрямь не помешает».

— Господин! Ну какой он вам «Глава»? Вы должны называть его отцом! — укоризненно покачала головой Фу-ма.

«Отец? Боюсь, мне не суждено познать, каково это...»

Тянь Цаньцюэ лишь мягко улыбнулся. Спорить со служанкой он не стал — просто молча направился к выходу из двора.

— Фу-ма, ты не знаешь, кто еще сейчас там собрался? — спросил он, приостановившись.

— Ну... — женщина на мгновение замялась. — Кажется, там госпожа Юнь и второй молодой господин.

— Хорошо, я понял.

Мальчик кивнул, небрежно отряхнул с подола налипшие травинки и двинулся дальше.

— Пойдите! Молодой господин, вы куда это собрались? — всполошилась Фу-ма.

Она поспешно сделала несколько шагов вперед, преграждая ему путь, но при этом бережно, стараясь даже случайно не толкнуть его хрупкое тело.

— Как это куда? Иду на зов. Ты же сама сказала, что меня ждут, — пожал плечами Тянь Цаньцюэ, заметив ее неловкое замешательство.

— Но не в таком же виде! — ахнула женщина, невольно повысив голос.

— А что не так? — мальчик оглядел себя. — Разве моя одежда грязная?

— Да при чем тут грязь... — тяжело вздохнула Фу-ма. — Молодой господин, это же слишком просто, даже убого! Побойтесь богов!

На Тянь Цаньцюэ был простой, выдавший виды халат блекло-зеленого цвета. На нем не было ни единого узора, ни одной вышитой нити — это одеяние выглядело беднее, чем опрятное платье самой Фу-ма.

— Давайте я принесу вам что-нибудь другое? Помните, не так давно прислали то чудесное белое одеяние? — с надеждой предложила она.

— Красота наряда имеет значение лишь тогда, когда есть кому ею любоваться, — тихо проговорил Тянь Цаньцюэ с мягкой, почти невесомой улыбкой. — А им совершенно безразлично, во что я одет.

Он аккуратно обошел застывшую Фу-ма и вышел за ворота Дворика Опавшего Ветра.

Дворик Лазурных Небес

Во Дворце Поднебесной было две главных резиденции — Дворик Лазурных Небес и Дворик Желтых Источников. Их названия восходили к знаменитой поэтической строке: «Достичь лазурных высей неба иль сойти к истокам желтым преисподней». Никто уже не помнил, руководствовался ли прежний хозяин дворца лишь мимолетной прихотью, выбирая эти имена, или же пытался увековечить в них какую-то глубокую, личную скорбь.

Погруженный в раздумья Тянь Цаньцюэ не сразу заметил, как стихли доносившиеся издалека звонкие голоса и веселый смех. Он поднял глаза и обнаружил, что незаметно для самого себя переступил порог Дворика Лазурных Небес.

В центре резиденции раскинулся просторный пруд с кристально чистой водой, на зеркальной глади которого покачивались алые и белоснежные цветы лотоса. На берегу, в тени раскидистых деревьев, расположились Тянь Исюань, Юнь Суюэ и еще несколько человек. Они неспешно пили чай, любуясь распустившимся великолепием.

Тянь Цаньцюэ мимоходом огляделся. Все места за столами были заняты, свободных стульев не осталось. Мальчик все понял без слов. Бесстрастно, не выдав ни единой эмоции, он приближался к Тянь Исюаню и склонился в глубоком, почтительном поклоне.

— Тянь Цаньцюэ приветствует Главу дворца.

Все мысли мальчика были сосредоточены на хозяине дворца, поэтому он не заметил, как при его появлении Юнь Суюэ изменилась в лице. Еще мгновение назад она изысканно и мягко улыбалась, но теперь внезапно побледнела. В ее облике проступила дикая смесь изумления и потаенного ужаса.

— Явился? — Тянь Исюань тонко усмехнулся.

Он лениво крутил в пальцах пиалу из тончайшего фарфора, даже не думая разрешить ребенку подняться с колен.

— Не знаю, какие повеления у Главы дворца к Цаньцюэ, — ровно произнес мальчик. Выдержав положенную этикетом паузу и не дожидаясь дозволения, он спокойно выпрямился.

— Неужели я не могу призвать тебя без дела? — с неподдельным интересом спросил Тянь Исюань, наблюдая за его дерзким спокойствием.

— Глава шутит, — Тянь Цаньцюэ опустил глаза, пряча взгляд. — Цаньцюэ лишь полагает, что владыка Дворца Поднебесной не станет тратить время на пустяки.

«Игра на цине... — он опустил взгляд на носки своих туфель, чувствуя, как невольно горько усмехается. — Я ведь сейчас даже струны по звучанию не отличу. Хоть бы удалось как-то выкрутиться... но вряд ли этот человек оставит меня в покое».

«Не станет тратить время на пустяки?» — мысленно повторил Тянь Исюань, и его улыбка стала еще шире. Что за прелесть. Жаль только, мальчишка не знает, что праздные, бессмысленные забавы — это как раз то, что правитель дворца любит больше всего на свете.

— Цаньцюэ, если подумать, ты не видел свою матушку целых семь лет, — вкрадчиво, не торопясь переходить к разговору о музыкальном инструменте, заговорил Тянь Исюань. — Почему же ты не приветствуешь ее как подобает?

«Сам он не признает во мне сына, но требует, чтобы я величал его супругу матерью?»

Озадаченный этим противоречием, Тянь Цаньцюэ перевел взгляд на Юнь Суюэ. Первая красавица Поднебесной не произнесла ни единого слова с самого его появления.

От ее бывшего величия и утонченного благородства не осталось и следа. Лицо женщины стало болезненно-землистым, она судорожно впилась пальцами в ладони, а сама мелко, лихорадочно дрожала.

«Странно. Даже если я действительно бастард и не имею к ней и ее мужу никакого отношения, с чего бы ей так... бояться меня?»

В душе Тянь Цаньцюэ шевельнулось искреннее недоумение.

— Цаньцюэ? — требовательно напомнил о себе Тянь Исюань, прерывая его размышления.

— Слушаюсь, — отозвался мальчик.

Он подошел к столу, неторопливо наполнил пиалу горячим чаем и, бережно удерживая ее обеими руками, преподнес Юнь Суюэ.

— Матушка, прошу вас, выпейте чаю, — Тянь Цаньцюэ почтительно склонил голову, безукоризненно соблюдая каждую мелочь ритуала.

Ему хотелось поскорее покончить с этим фарсом. Стоило Юнь Суюэ просто коснуться чашки, и неважно, сделала бы она хоть глоток — долг вежливости был бы исполнен. Тогда он смог бы со спокойной совестью уйти, избавив и себя, и ее от этой невыносимой пытки.

Но человеческий разум — хрупкая штука. Порой дикий, первобытный страх, смешанный с яростью, мгновенно сжигает дотла любые остатки благоразумия.

Раздался резкий всплеск.

Увидев, что Тянь Цаньцюэ стоит от нее едва ли не на расстоянии вытянутой руки, Юнь Суюэ в каком-то диком, паническом порыве ударила по пиале. Горячий чай выплеснулся наружу, обдав бледное запястье мальчика. На нежной коже мгновенно расплылось багровое пятно ожога.

— Вон! Убирайся! Исчезни, чудовище! Будь ты проклят, монстр! — истошно закричала Юнь Суюэ.

Она резко вскочила, с грохотом опрокинув стул позади себя. Она дрожащим пальцем указала прямо в лицо Тянь Цаньцюэ, а её лицо исказила безумная гримаса страха.

Мальчик не проронил ни звука. Он лишь молча смотрел на свое покрасневшее, пульсирующее острой болью запястье.

<http://bllate.org/book/19906/2038405>